

Наталья Скорых

18+

Ваня Ванюша

стихи и рассказы о войне

Наталья Скорых Ваня Ванюша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70609489

ISBN 9785006284043

Аннотация

Война – дорога через женское страдание, путь пройденный с ребенком на руках. Война, и нет в ней милости, спасения, сострадания. Лишь только крик застыл в ее глазах. Война глазами женщины, глазами матери. Война, пройденная через женское сердце.

Содержание

Тёплые ладошки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ваня Ванюша

Наталья Скорых

*Война – дорога через женское страдание,
Путь пройденный с ребенком на руках.
Война, и нет в ней милости, спасения,
сострадания,
Лишь только крик застыл в ее глазах.*

Дизайнер обложки Наталья Скорых

© Наталья Скорых, 2024

© Наталья Скорых, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-8404-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тёплые ладошки

Шёл четвёртый год войны. Зима в том году выдалась суровая и снежная.

Вовка смотрел в маленькое окошко, протирая холодной ладошкой наледь. Опять завьюжило. Ветер гудел, поднимая снег вверх, кружил его и уносил куда-то вдаль. Вечерело. Зимой темнело рано, но Вовка уже привык, он, как старший мужчина в доме научился не бояться. Ещё под новый год ему исполнилось десять, и он стал настоящим хозяином.

Чуть тёплая печка начинала потихоньку разгораться, и он, заморозив ладошки, крепко прижал их к тёплой стене. Тепло медленно разливалось по его телу и становилось легче.

– Марусь, айда сюда, тут тепло, – крикнул он сестренке, которая куталась в старую отцовскую фуфайку.

Марусе ещё летом исполнилось пять и, Вовка все ждал, что она повзрослеет, но Маруся все худела и часто болела. Её большущие синие глаза, всегда были на мокром месте. Она устала сидеть дома всю зиму, устала от холода и вечного голода.

Вовка подошел к сестре и прикоснулся теплыми ладошками к её щекам.

– Теплее? – спросил он

– Угу, – Маруся покачала головой.

Дверь со скрипом распахнулась и, отряхивая с валенок

снег, вошла мама. Она принесла в пригоршне муки, которая уже смешалась со снегом и стала липкой.

– Вот, Макарыч угостил. Ничего, ничего, – суетились она, – сейчас суп с галушками сварим. У нас картошечка есть. Одна правда, но это ничего, одна – тоже хорошо.

Мама поставила чугунок в печь, налила колодезной воды и начала хлопотать по хозяйству. Поленья в печи затрещали, яркие языки пламени поднимались вокруг чугунка, и вода быстро закипела. Вовка с Марусей придвинулись к печке. В доме запахло едой и, стало казаться, что единственная комната теперь намного уютнее.

– Мам, ты такая молодец. Такая, такая... – Вовка не мог подобрать слов.

Мама поцеловала сына в макушку, пригладила белобрысые волосы и тихо шепнула:

– Вот вернётся папка, вот заживём.

Она отвернулась к окну и украдкой вытерла слезы. Плакать было нельзя, совсем нельзя. Сейчас всем тяжело и мама это понимала.

– Мам, а расскажи о папке? Я его совсем не помню, – попросила Маруся.

– А я помню, – оживился Вовка. – папка наш – герой. Вона какой вышины, – и Вовка залез на табурет показывая отца.

– Лучший, – подтвердила мама, – самый лучший.

Она любила мужа, любила и ждала, хоть весточки от него не было уже около полугода. Мама знала, что её Гриша жив,

чувствовала всем сердцем и молилась.

Суп с галушками получился на славу. В чугушке плавали мелко нарезанные кусочки единственной картошины, половинка луковицы и липкие кусочки теста – галушки. Масло в доме закончилось давно и после такого супа все равно хотелось кушать. Вовка хлебал горячий супец, расхваливая, Маруся ела не торопясь, растягивая удовольствие, только маму душили слезы. Запасов осталось совсем чуть-чуть, а до весны ещё месяц. Зима долгая и как бы мама не старалась экономить, а продукты заканчивались. Да и запасы дров были уже совсем на исходе.

– Мам, возьми картошечку, – Вовка подкладывал маме в тарелку, где была одна жижка, маленький кусочек, – я что-то уже наелся.

Конечно, он не наелся, но видя, как мама хлебает водичку, переживал – маме нужны силы. За четыре года войны она сильно изменилась, заметно постарела и похудела. Мама все больше молчала, лишь долгими зимними вечерами, прижимая Вовку с Марусей к себе, рассказывала сказки, которые придумывала сама. Это были особенные сказки, про счастливую жизнь, про яркое солнце, про синюю птицу с длинным хвостом, что приносит счастье

– Вовка, завтра ты за старшего, – сообщила мама, – А мы с дедом Макарычем в лес, за дровами. Там ещё остался сухостой, – мама, запнулась на полуслове, – наверное остался. Нам бы до весны, дам бы до тепла.

Она замолчала, надолго погрузившись в грустные мысли. Все сараюшки, забор, все уличные постройки ушли на дрова ещё в прошлые зимы, и эта четвёртая зима стала самой тяжёлой. Печку топили раз в день, а то и в два, только чтобы сварить суп или кашу, из остатков крупы. В остальное время грелись, укутавшись в старенькие поношенные тулупы. Деревня постепенно вымирала. Кто от голода, кто от холода, остальные, кто ещё выживал как мог, держались рядом. Помогали по-соседски, делились последним, да и просто поддерживали друг друга добрым словом. Вот и Макарыч, заходил к ним каждый день. Похоронив свою старушку Прасковью, раздал он по соседям все её выдавшие виды вещички, авось кому что подойдёт, кого что согреет. Ходил по домам, помогал, чем мог, иногда просто приходил поговорить за жизнь, отвлечься от грустных мыслей и нестерпимого одиночества. Сыновья его, все трое здоровых и сильных молодца погибли ещё в первый год войны. Похороны приходили одна за другой. Макарыч сник, перестал молиться и стал как тень. Старуха его Прасковья слегла, потом вроде оклемалась, будто ожила, но голова её перестала слушать разум. Прасковья, как малахольная все повторяла, что скоро Мишенька вернётся, а опосля и Генка сорванец приедет к матери с отцом, и Никита младшенький и самый сердечный приедет с победой домой. Макарыч сначала ругал её, спорил, что нет больше ни Мишки, ни Генки, ни Никитки, она только злилась, да все ходила на дорогу их встречать. Прятала

в доме все запасы по углам, все ждала сыновей, да готовилась их угощать. Макарыч и сам начал верить – а вдруг? Прасковья, так и простыла, все стоя на дороге. Простыла и слегка, теперь уже насовсем. Похоронили её под самый новый год. Успокоилась её душа, отошла и теперь ей легко, теперь она рядом с сыновьями. А Макарыч остался один одинешенек.

– Надюх, – ещё на рассвете Макарыч постучал в двери, – Надюх, готова? Пойдём пораньше, а то вдруг забуранит.

Мама прижала палец к губам:

– Тихо, деда, тихо. Спят ещё.

– Пусть спят, – перешёл на шёпот Макарыч, – во сне то оно и теплее, и сытнее.

Мама обвязалась платком, затянув его на спине, одела фуфайку, валенки и старые вязаные варежки. Вместе с Макарычем они вышли во двор, взяли старенькую лошаденку, запряженную в сани, под уздцы и направились в сторону леса. Было тяжело, но и мама и старик Макарыч шли пешком, чтобы лошади было легче. Лошаденка, единственная, что пережила войну, жила почти по-царски. Всей деревней для неё готовили сено на зиму, оставили в целости сарай и берегли скотинку как могли. И она в ответ выручала: пользовались ей всей деревней по надобности.

Хорошо, что после недавней бури валялись поломанные ветки, и мама с Макарычем, не оставляли ни одну. Они лезли по сугробам, собирали ценный груз, аккуратно складывали и шли дальше.

– Повезло, – радовался Макарыч, – даже ветер принёс свою пользу. Ох как повезло.

– Да, – подтверждала Надежда.

Все, что было можно, все сложили в сани, даже умудрились вытащить из-под снега пару сломанных деревьев. Мама радовалась, искренне радовалась, что теперь им хватит хотя-бы на несколько недель. Она замерзла, валенки её были полны снега, пальцы и на руках и ногах, она почти не чувствовала.

– Устала? – спросил Макарыч. – Замёрзла?

Надежда кивнула:

– Замёрзла.

Домой они шли молча. Мама дрожала от холода, ей казалось, что ещё немного, она упадёт и её занесёт снегом. Сил совсем не осталось. Хотелось согреться и хоть немного покушать. Плакать было нельзя, но слезы текли сами и замерзали, на и без того, холодном лице.

– Скоро дом, уже совсем скоро. Ты держись, Надюх, держись. Растопишь печь, согреешься, супа наваришь и все будет хорошо. Смотри сколько дров везём, аж до весны хватит, – видя состояние Надежды, Макарыч поддерживал как мог.

– Деда, а деда, если чего, если я вдруг, – мама запнулась, – ты не бросай моих. Не бросай.

– Надюх, ты чего? Не смей! Не думай! – заругался Макарыч, и мама замолчала.

Она и так знала – не бросит. Но для успокоения души, ей надо было сказать, надо было выговориться. Облегчить душу.

Вовка смотрел в окно, не отрывая глаз. Сумерки медленно опускались над деревней. Маруся хныкала. Он кормил её в обед вчерашним супом и даже оставил тарелочку для мамы. Сам доедал за Марусей. Вовке хотелось затопить печку, но он понимал, что просто так топить нельзя, нужно готовить ужин. Он растерялся. Поискал по шкафам крупу, но брат без спроса не стал – а вдруг мамка заругает. Горстка пшена, да сушёные травы, что он летом собирал вместе с Марусей – это был их запас. Мама все бережно хранила и иногда заваривала чай с листочками малины, череды, мяты и ромашки. Особенно когда болела Маруся, мама отпаивала её вкусным несладким чаем, чтобы она не закашливалась. Хворь после таких травок отходила, щеки Маруси снова розовели, а мама все приговаривала:

– Деточка ты моя, кровинушка, только живи. Вот закончится война, закончится зима, отогреешься на теплом солнышке, станешь краше всех на свете. Вернётся папка и не узнает свою красавицу.

Она приглаживала Марусины волосы, заплетенные в тугие косички, и целовала. Маруся в ответ обнимала маму за шею и шептала ей на ушко:

– Мамочка, я тебя сильно-сильно люблю. Больше, чем звёзд на небе. Люблю от луны до солнца и обратно. Больше

всех на всей планете.

И такие минуты доброты и тепла заставляли сердца биться сильнее, заставляли жить и выживать, становиться тверже и выносливее.

– Вовка, помогай, – Макарыч под руки завел совсем замерзшую маму в дом. – Печку! Давай быстрее печку топи. И чугунок для чая ставь. Будем Надюху отогревать.

Вовка бросился вперёд. Стянул с мамы валенки, снег налип к её ногам, Вовка снял промерзшие носки и начал растирать холодные ступни.

– Не надо, сынок, не надо. Я сама, – мама склонилась над замерзшими ногами.

Руки не слушались ее, но мама растирала ноги и плакала от холода.

– Печку? – спросил Вовка и мама кивнула.

Он побежал за дровами, начал неумело разжигать огонь, дул на первые искорки, чтобы разгорелось сильнее. Лицо его стало красным и чумазым. Вовка налил чугуна воды и вопросительно глянул на маму.

– Давай ещё один. Для чая и супа, – Вовка послушался и налил ещё.

Маруся сидела рядом и гладила маму по голове, по лицу, целовала и жалела.

– Ну как? – вошёл Макарыч, отлучавшийся домой – справились? Я вот тут вам принёс, – он положил на стол плато-

чек, завязанный узелком, – вот нашёл. Прасковья напрятала по углам. А я тут дровишки складывать, а там между брёвен узелок. Запасливая баба была, все сыночков ждала. Ну и мы благодаря ей выживем, дай бог.

– Спасибо, деда, – мама слабо улыбнулась.

Пока разгоралась печь, Вовка поставил маме на стол вчерашний суп, что берег для нее целый день. Голодал, но не ел. Пару ложек, но все равно еда. Мама съела половину, вторую подвинула Марусе.

– Ты сынок, как закипит водичка, кинь травку в чугунок и ставь на край. Только не обожгись, – мама закуталась в фуфайку.

Тело её дрожало, по спине бегали мурашки. Она придвинулась ближе к печке, согнулась в комочек и легла.

– Я немножко, я чуть-чуть, – прошептала она.

– Поспи Надюш, поспи. А мы тут сами справимся, – Макарыч укрыл маму ещё одной фуфайкой, закутал ей ноги и сел рядом, – поспи, милая.

Вовка хлопотал около печи. Старался, как взрослый, варил суп, из принесенной Макарычем крупы. Вовке казалось, что он важный и незаменимый в хозяйстве.

– Деда, а солить когда? – спрашивал он у Макарыча, – Деда, может попробуешь?

Макарыч помогал, со знанием дела пробовал, кряхтел и суетился рядом с Вовкой.

Суп был готов. Вовка пошел будить маму, но она только

стонала.

– Деда, что с ней? – он дёргал Макарыча за рукав, – Деда, что?

– Жар у неё, – Макарыч потрогал горячий лоб Надежды, – плохо дело, но поправимо.

Вовка начал осматривать маму, теревить её:

– Мамочка вставай! Мамочка

– Цыц! – строго сказал Макарыч. – Цыц! Без паники!

Он намочил чистую тряпочку в тёплой водичке, и начал отбирать Надежду. Вовка сел рядом, положим мамину голову себе на колени и, по наставлению Макарыча, начал поить её тёплым чаем.

– Потерпи родная, – шептал он, – потерпи.

– Все сладится, все пройдёт, – бормотал Макарыч, – замерзлась она сегодня, застудилась. Все старалась больше собрать. Но ничего, мы справимся. Бабка моя, троих сыночков вырастила, троих богатырей подняла, и я с ней. Вместе и лечили, и кормили, и лелеяли. И мамку вашу на ноги поднимем. – Он обтер Надежду, завернул в фуфайку, – а теперь ждать. Сейчас пропотеет и сойдёт жар с неё.

Макарыч умаялся. Сел на табурет, устало положил руки на колени и долго молчал. Суп давно был готов, крупа упарилась и разбухла, так что суп стал густой.

– Садитесь ужинать, уж скоро полночь. Мы сделали все, что могли, – руководил Макарыч, – вам ещё будут нужны силы, так что ужинать и спать.

– Деда, а ты с нами? Оставайся, а. С тобой нам не страшно будет, – умолял Вовка.

Маруся весь вечер не отходила от мамы. Трогала горячий лоб, обтирала её лицо тряпочкой и приговаривала:

– От луны до солнца ты самая-самая лучшая. Сколько снежинок зимой, столько сильно я тебя люблю.

Вовка успокоил Марусю, и после ужина уложил на печку спать. Сам сел рядом с Макарычем.

– Деда, а что такое война? – начал он мужской разговор. – зачем эти фрицы пришли на нашу землю?

– Война, сынок, это большая беда, – Макарыч смотрел в пол, он не знал, как объяснить ребёнку, всю боль и тяжесть происходящего.

Ему, этому десятилетнему мальчишке и так выпала суровая доля. Он и сам знал, что такое война не понаслышке, он жил в войну, выживал, но не понимал, за что и почему. Почему одни люди, которых называют фашистами, решили, что имеют право убивать других людей: русских, украинцев, белорусов, евреев. Почему они решили, что им можно стрелять в детей и стариков. Почему? Кто дал им такое право?

Макарыч молчал, не находя нужных слов.

– Деда, а какие они твои сыновья? Герои, как мой папка? – не унимался Вовка.

– Герои. – ответил Макарыч, – Герои. Мишка был танкистом, он ещё в школе все хотел быть танкистом. Так в танке и подорвался на mine. Так и подорвался. – сухой натру-

женной рукой старик вытер слезы, – А Генка он на гармошке играл, ух как играл. Все девчонки ходили за ним хороводом. А он одну – Ниночку красавицу любил. И она его очень-очень. Как призывали Генку моего, так и Ниночка с ним пошла воевать. Вместе. Рука в руке. Только убили моего Генку. Убили гады фашистские, – Макарыч уже не стеснялся слез.

– А Никита?

– Никите было только восемнадцать. Малец ещё совсем. Даже усы не брил. Парнишка. Совсем парнишка. Нет у меня будущего. Убила его война. Убила. И внуков народить не дала. – старик закрыл лицо руками и долго молчал. – иди спать, сынок, завтра трудный день. Иди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.